

АЛЕКСАНДР ОБУХОВ

Прости меня, заяц

РАССКАЗ

Глава 1

В мае сорок пятого — первом военно-послевоенном месяце — мне исполнилось девять лет.

Рос я типичным для военного времени заморышем: ни силой, ни ростиком не удался, видно, пошёл в маму. Однако, по стечению обстоятельств, я оказался

ОБУХОВ Александр Иванович — поэт, прозаик. Родился в 1939 году на прииске Николаевском Красноярского края. Окончил ИГУ, физико-математический факультет. Работал на Байкале в геоморфологическом и гидрофизическом отрядах Восточно-Сибирского филиала АН СССР. Долгое время работал в атомной промышленности на Электролизном химическом комбинате. Автор семи научных работ. Член Союза писателей России. Стихи и рассказы печатались в журналах: «Сибирь», «Признание», «Северо-Муйские огни», в газетах «Восточно-Сибирская правда», «Земля», «Александровский централ» и др. Александр Обухов — автор десяти книг, среди них поэтические сборники «Цветы России», «Сквозь время ненастное», «Зимы не будет», «И снова жизнь!..», «Луговинка», «Светлячок», монографии «Слово о букве», а также многочисленных литературоведческих статей. Лауреат Всероссийского и Международного конкурсов «Звезда полей» им. Н.М. Рубцова (2004, 2005, 2007 гг.) в номинациях фотоискусство, поэзия, проза. Дипломант-победитель этого конкурса за книгу «Слово о букве» (2009 г.) Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей — 2010»; лауреат и обладатель «Гран-при» 12-й Московской научно-практической конференции «Рубцовские чтения» за монографию «Слово о букве» и статей о поэзии (2017); удостоен диплома «Престиж» за работу «Сакральный смысл автографов и рисунков А.С. Пушкина» 14-й научной конференции (2019). Автор поэтического текста на мемориале «От заслуженных учителей Иркутска — 2010 г.», расположенном в сквере им. Куйбышева г. Иркутска. Живёт в посёлке Мишелёвка Иркутской области.

в семье старшим «мужчиной», — тятю ещё не демобилизовали, а брата Сёмшу в апреле призвали в армию. После его ухода на руках маленькой щупленькой мамы осталось нас трое, мал-мала меньше. Как ей прокормиться самой и нас прокормить?

До призыва брат помогал маме «стараться» — мыть-добывать золото из берегов речушки, которое она обменивала на «золотые рубли», именуемые: боны, а на них покупала необходимые продукты. Этим и жили. Я не мог заменить брата в работе, не стал маме пособником: силы поднять ведро породы с золотоносным песком, и даже полную лопату, не доставало. Я, сколько мог, бродил-кружил по тайге, собирая сыроежки, обабки, грузди, а позднее — любимые опята. Солнечное лето дарило мне радостную, красную землянику, тёмную, с синим оттенком чернику, чёрную и красную смородину. Иногда в речушке со странным названием Магызы мне удавалось поймать на самодельный крючок мелкую рыбёшку: вьюнов или бычков. Но военные годы, очевидно, не смилостивились не только над детворой, а даже и над рыбёшками, — в ухе белели только тонкие косточки, переплетаясь, как белые нитки, на дне миски.

Собираясь в тайгу, я всегда поглядывал в укромное местечко — в тёмный угол за печкой, где хранилось ружьё двенадцатого калибра. С этим-то ружьём Сёмша охотился и приносил из тайги рябчиков и косачей, а в начале весны, когда по утрам морозец сковывал снег в прочный наст, он несколько раз выкладывал на стол из заплечного мешка черноперых глухарей. Я боязливо подходил к чёрной птице с огромными пугающими когтями и едва поднимал её. Казалось, что вкусным варевом из дичи и сегодня ещё пахнет из большого и чёрного, как глухарь, чугунка, который перешёл по наследству маме от бабушки.

...Вот к этому-то ружью, укромно стоящему за печкой и матово поблескивающему в сумеречном свете, тянуло меня неодолимо, и думалось: «Вот бы на охоту с ним».

Глава 2

Однажды вечером, за ужином «картошка в мундире», мои мысли снова вернулись к ружью, и я насмелился:

— Мам, дай ружьё поохотиться.

Картошина в маминой руке чуть зависла, замерла над столом и тут же с глухим стуком упала и расплющилась о столешницу.

— Ты чё удумал? чё удумал? — спрашиваю! Шутка дело — оружье?! Не смей даже подходить, а то — я тебе!

— Но мне Семён показывал, как надо с ружьём обращаться. Разреши, мама. Разговор закончился короткой угрозой:

— Не смей! тебе сказала.

Не получив желанного ружья, я по-прежнему ловил рыбёшек, собирал грибы, ягоды, — что делать... Таинственная тайга завораживала, заманивала, иногда пугала мрачными оврагами, водила вдоль и поперёк говорливых ручьёв и ручейков. Она набивала мне мозоли крутыми косогорами, заводила в тёмный, опутанный длинными белёсыми бородами пихтач, в колючий сплошной ельник, где я часто

вспугивал рябчиков, иногда и сам пугался от шумно взлетающего глухаря, или от внезапно выскочившего сгорбленного зайца. «Эх! Сейчас бы ружьё...».

Глава 3

В конце холодного сентября, днём, выпал уже не первый, холодный, как и воздух, снег. Поздним вечером, в потёмках, пришла, простудно покашливая, мама. Она устало опустила у порога на лавку. Я помог ей снять тяжёлые резиновые сапоги, размотал замёрзшие и твёрдые, как берёста, портянки и повесил на верёвку над растопленной печкой. Мама переделалась в домашнюю одежду, подошла к плите, попробовала приготовленное моей старшей сестрою варево — пшённую кашу на воде, подсолила и велела нам садиться за стол. В полутемноте молча поужинали. В наступившей ночной тишине слышалось слабое потрескивание плитки — самодельного светильника и позёвывание братиков.

Убрав со стола единственную миску и четыре деревянные ложки, мама опустила на единственную кособокую табуретку, безнадёжно-вяло опустила руки на дощатую столешницу и, как будто советуясь с нами, заговорила:

— Чё, дети, дальше делать будем? Чем и как жить? Холод так рано пришёл, руки в воде не дюжат. Земля мёрзлая, надо лесины валить для костров-пожогов, оттаивать её... Сил никаких нету. Чё делать? Как зиму прожить? Когда ваш тятка вернётся?..

От нахлынувшей безысходности, она уронила лицо на руки и заплакала, что бывало с нею очень редко. Пытаясь отвлечь её от неразрешимых вопросов и желая как-то помочь, я вернулся к старому разговору:

— Мама, дай ружьё. Не бойся, — начал я утешительно. — Принесу рябчика или зайца, — еда будет. Разреши, мама.

Она встала из-за стола, утёрла фартуком слёзы и положила ладони на мою голову.

— Мал ты шибко, сынок. Рано тебе...

Почувствовав теплоту в её голосе и мягкое, ласковое поглаживание по голове, я возразил:

— Нет, мама, я уже большой. Не бойся. Сёмша же учил меня, как надо с ружьём обращаться.

Мама и видела, и знала, что другие подростки-сорванцы ходят с ружьями в тайгу, что-то приносят, но, — то были другие: покрепче, посильнее меня и, главное, постарше. Она вздыхала, поглаживала мои нестриженные вихры — и молчала. Отпустив мою голову, она разложила на полу постель и уложила вповалку клюющих носиками братьев. Остатки жира-горючего в плошке догорали, потрескивали, фитилёк коптил. Ходившая в сумеречном свете мама опустила на лавку у стола и внушительно-тихо сказала:

— Ну, чево уж... если Сёмша учил, — бери. Но шутка ли дело — оружьё. Смотри, сынок, осторожнее будь. Помнишь, как в прошлом году Витька Маринин толкнул собаку взведённым ружьём, и дробины — в пах. Спасло то, что дробь задержалась шубёшкой да ватными стегаными штанами, а то бы... Шутка ли дело — оружьё...

Старинный, окованный «в клеточку» тонкими железными полосками сундук, вмещавший когда-то приданое от бабушки, стоял рядом со столом, мама повернулась к нему, откинула тяжёлую крышку, пошарила в нём среди тряпья, — и протянула мне два увесистых заряженных патрона... Как два круглых суровых глаза, блеснули они торцами в мерклом свете плоски и погасли, зажатые моими ладошками.

Глава 4

На следующий день, к полудню, я вернулся из школы, поел с белоголовым братиком и сестрой полуостывшую картошку с капустой. Молча посидел за столом и, решительно поднявшись, прошёл к печке за ружьём. Как бы взвесив, «потяжеляв» его в руках, поставил на место. Оно оказалось тяжёлым. «Как его буду носить? Сёмша ведь подолгу охотился».

Присев на лавку около двери, я осмотрел свои разбитые, в трещинах, с отпадающими подошвами сапоги, — для охоты они не годились. Я достал из-под лавки запылившиеся сапоги старшего брата, потом намотал на ноги портянки, а поверх ещё тряпья-старья, — и обул сапоги. «Тоже тяжёлые», — подумалось, когда прошёл за ружьём. Свыкаясь с новой обувью, потоптался у порога, надел шапку, натянул телогрейку, перекинул ружьё через плечо и, наказав домовникам не бегать во двор, — не студить избу, вышел на улицу... Почти рядом со мной оказался девятиклассник Лёша — сосед по дому. Он шёл из школы. Мой охотничий вид удивил его. Он сразу полез в сумку и достал фотоаппарат ФЭД.

— Давай тебя сфотографирую! — быстро предложил мне.

— Фотографируй... — безразлично-отрешённо ответил я и пошёл по снежной дороге.

...В очищенном снегом воздухе, недалеко от берега речки, хорошо виднелся дым от костра-пожога, там работала — старалась мама, промывая золотоносную породу. Я решил, что по пути в тайгу хорошо бы зайти к ней. «Приду с ружьём, — думалось мне, — она увидит меня, обрадуется, что я не такой уж маленький, — и не будет сильно переживать-волноваться». Но... приклад ружья почти касался земли.

Мама, наверное, заполнила породой ведро, выпрямилась передохнуть и увидела меня, но не обрадовалась, — не пошла навстречу, а поджидала молча и разглядывая.

— Как же ты, Коленька, в этих сапогах охотиться будешь? Сколь ты в них находишь-набродишь?.. Поели — там? — осыпала она меня — охотника вопросами и слегка прижала к своей исходящей потным паром телогрейке...

— Ладно, мам, я пойду, — отстранившись от неё, произнёс будто бы не я, а кто-то другой: старше и решительнее.

— Иди с Богом, — кротко-коротко напутствовала она.

Глава 5

С горной покати, где я остановился, просматривались чётко очерченные снегом самые дальние вершины гор; над возвышающей душу чистотой, высоко-вы-

соко в небе, распластались неподвижные тонкие облака, очень похожие по форме на полупрозрачные крылья неведомой мне гигантской птицы. Оторвавшись от виденного в небе, я перевёл взгляд на рядом стоящие чёрные ели, затем — на чёрные ветви, свисающие, как чёрная одежда, с кривых состарившихся берёз, — и сжался, съёжился от накатившей непонятной боязни. Превозмогая неприятное состояние, я снял с плеча ружьё и, как учил брат, начал осваиваться с ним: положил ствол на сучок ближайшей берёзки, взвёл курок и поприцеливался в грибы-поганки на пеньках и в шишки на пихтах. «Надо, как по-настоящему» — и вскинул ружьё.

Общаясь с ружьём «по-настоящему», я почувствовал, что оно стало удобнее ложиться в ладони, надёжнее упираться в плечо и, осознав, что бояться-то нечего, — отодвинул стопор, переломил ружьё и протолкнул в ствол матово-жёлтый патрон. И, словно издалека, будто бы ветром нанесло: «Смотри, сынок, осторожнее будь». От предостережения мой лоб покрылся испариной и, сдвинув шапку, я вытер его рукавом телогрейки.

Мне показалось, что зеленолапые ветви пихты раздвинулись, я смело прошёл несколько шагов во мрак густого пихтача и стал вслушиваться: не взлетит ли где рябчик или глухарь. Слышно было, как шелестят последние неопавшие листья на берёзах, как мягко шепчутся их вершины, — больше никаких звуков. Я пошёл наугад в тёмную тишину тайги.

...Вот неожиданно процокала белка, и звук очертил её лёгкое, полётное скольжение по стволу и по ветвям. Но белка не нужна, — мы белок не едим. Несколько раз невдалеке, то на валежине, то на пеньке замирал вопросительным знаком шустрый пузатенький бурундучок, — он любопытно-быстро осматривал меня и, вскинув хвостик, мгновенно исчезал в траве. Бурундуков мы тоже не ели. Да и что в них? — какая еда...

Где же были зайцы? Где рябчики? — Я же ходил ранее в этих местах и видел их. А может, ходил и не совсем в этих? — кто ответит. Несколько часов я бродил по лесу: перелезал через замшелые валежины, поднимался и опускался по каменистым балкам и оврагам, продирался сквозь колючие ветви ельника и шиповника. Приклад и ствол ружья бесщётными тяжёлыми ударами по спине и по ногам неустанно напоминали о себе. Ружьё висело за спиной, как тяжёлая вязанка дров. Словно вторая тугая кожа, стягивала меня мокрая, потная рубашонка. Голод, приглушенный скудным обедом, втягивал живот в какую-то пустоту, и я иногда спешно срывал немногие сохранившиеся ягоды красной смородины и жевал, жевал... Неутолимая жажда вынуждала пить пригоршнями из ручьёв, бегущих меж оледеневших бережков.

Во время непродолжительных передышек мне слышались-чудились вопросы младшего братика: «Сё, Коя, аю и видаль? Убегай аяц? Гухаль уитай? Япчик тозе уитай?».

Примстившиеся наваждения-вопросы снова и снова поднимали меня и переносили через кустарник, чащу и овраги, они поднимали и опускали меня по склонам горок.

...От жалости ли к голодному братику, от усталости ли, от безнадёжности ли, ото всего ли вместе, — я упал на валежину, молча размазывая по лицу пот и слёзы. Успокоившись, я встал на вялые ноги и отрешённо-безнадёжно, положив ружьё на плечо, пошёл к видневшемуся впереди просвету.

На неожиданно раскинувшейся золотисто-жёлтой полянке, опоясанной редким рябоватым березнячком, я снова остановился передохнуть и осмотреться: где же хожу? С ласковой, солнечно-дружелюбной полянки, расстелившейся на вершине неузнанной возвышенности, виднелись ближайшие тёмные горы, а за ними громоздились синие, а там, вдали, на горизонте, в голубоватой дымке, как бы парили, повиснув в воздухе, вершины гольцов, вечно покрытые снегом. Удивительная картина манила собой, завораживала и словно вливала в меня силы... Мне подумалось, что вот с тех-то далёких-далёких вершин приходит к нам чистый снег, и дует холодный ветер. Ветер, действительно, и сейчас дул, потому что я ощутил холод, забравшийся под потную телогрейку. В поисках дороги домой я начал всматриваться в ближайшую местность. Ниже передо мною простиралась невысокая плоская вершина «Второй горки», как её у нас называли, она отделяла меня от прииска, избы которого были достаточно хорошо видны: я даже отыскал свою, и, казалось, что выбеги сейчас мой братик на улицу, — увидел бы его. Слева, в распадке, казалось от меня рукой подать, — струился-кудрявился дым костра-пожога, — там была мама. Последний переход по цепкому смородишнику здорово вымотал меня, но, определив, где нахожусь, я бездумно-устало сел на траву, припал спиной к стволу берёзки и подставил лицо под ещё тёплые лучи уходящего солнышка.

...Потрескивание старого, сухопарого багульника прервало начавшееся короткое забытьё, насторожило меня. Я, стряхнув остатки полудрёмы, взял прислонённое к берёзке ружьё и взвёл курок: вдруг стрелять придётся, ведь кто-то двигался, — кусты продолжали потрескивать со стороны леса в мою сторону, к полянке.

...И всё-таки, что-то большое белое выметнулось неожиданно не из-за того куста, где я ожидал, а чуть поодаль, но ружьё вскинулось, спусковой крючок нажат. Я ощутил, что будто кто-то сильный ткнул костлявым кулаком в плечо, резкая боль пронзила меня, но я устоял и заметил: что-то упало и осталось лежать.

Боль от удара прикладом, грохот впервые произведённого выстрела, удушливый запах чёрного чадного дыма — всё помutilо меня, и я на мгновение отключился от происходящего...

Очнувшись от неладного состояния, я увидел, что шагах в пяти от меня лежит заяц, и, бросив ружьё, подбежал к своей добыче... На белоснежной шубке проступали и расплывались красные пятна, зайчишка скрёб передними маленькими лапками по сухой траве, пытаясь подняться, — и не мог. Задние лапки лежали неподвижно, из них каплями падала кровь. Мне стало жалко красивого пушистого маленького зайчонка, я поднял его за передние лапки, прижал к груди вздрагивающее живое тельце, — и побежал к маме. «Ма-ма! — она, конечно же, что-нибудь придумает, сделает и спасёт этого беззащитного, нежного зверька, доверчиво-спокойно лежащего в руках. Быстрее! Быстрее к маме!», — мысленно подстегнул себя и побежал... «Ох, эти тяжёлые сапоги». — Я остановился передохнуть... и сбросил их. Ногам, всё лето не знавшим обуви, было не привыкать к сырой холодной земле. Взглянув на зайчонка, заметил на спинке новые кровавые пятна, — и мои облегчённые ноги, не разбирая дороги, вновь напрямик несли и несли меня с зайчиком к маме. Тёплый комочек заметно тяжелед, и почти не чувствовалось

подрагивания тела. Я остановился успокоить дыхание и, приблизив губы к самому ушку зайчонка, тихо-тихо попросил:

— Зая, миленький, потерпи... не умирай.

Он, наверное, услышал меня, чуть-чуть приподнял головку и сразу уронил. Из его необычного красного глаза выплыла большая слеза, и глаз — закрылся...

Возможно, что на белоснежной шерстке проступали новые кровавые пятна и растекались старые, — я этого не видел. «Беги! беги!» — непрерывно напоминало сердце, прыгая где-то у горла.

Глава 7

Я выскочил из-за плотных чёрных кустов черёмухи на прибрежную полянку и увидел маму. По тому, как она резко отбросила из рук лопату, я понял, что она тоже увидела меня, бегущего без ружья, неестественно согнутого и разутого. Звук того единственного выстрела, слышанного ею, сейчас, по-видимому, вторично ахнул для неё однозначным трагическим: «Сынок поранился», — и она напрямик через речку бросилась ко мне — на помощь.

Не добежав до мамы, я остановился, выпрямился и, разогнув руки, протянул ей то, что, может, ещё час назад было резвым, прыгающим живым зайчишкой. Сквозь сплошные кроваво-красные пятна лишь кое-где светилась, белела шерстка. Я посмотрел на свои тоже кроваво-красные ладони... Они на глазах начали увеличиваться и превращаться во что-то живое... В сгущающемся вокруг меня мраке это что-то разрасталось, разгоралось, как рыхлое огненное существо, а из него, извиваясь, протянулись ко мне трубки-щупальца и охватили меня. Сознание мутилось, терялось, но я чувствовал ещё себя и, преодолевая мучительно-болевое состояние, проговорил:

— Мам, за-ю спаси... Я сл-слу... чай...

Я слышал голос, но он показался мне чужим, отдалённым, едва слышимым.

В непроглядной темноте багрово-красное существо не покидало меня: слизистые щупальца овивали меня и душили, а присоски то втягивали и разрывали кожу, то прожигали её. И вдруг это чудовище отпустило меня и скрылось... Перед глазами раздвинулись две половины чёрного дымящегося занавеса, и сквозь возникший яркий просвет я увидел ту полянку и сидящего на ней зайчика. Он тоже увидел меня, но не испугался, — не побежал прочь. Я подошёл к нему, начал ласково гладить его тёплое подрагивающее тельце, а затем, охватив мягкий животик, поднял его и бережно-ласково, как своего младшего братика, прижал к себе.

— Скоро, зайнька, зима будет, и тебе холодно станет. Я сейчас унесу тебя домой, в тепло, и вместе с нами жить будешь, — предложил зайчишке. Он, конечно, согласился, и для убедительности крепко пожал мою руку лежащими на ней передними лапками. Как неожиданно пришла добрая сказочная встреча с зайчонком, так же и неожиданно оборвалась. — Чудовище вновь нестерпимо больно охватило меня.

...В школу я пошёл через две недели после того случая. Больным себя не чувствовал. Но по-прежнему — перед сном — меня посещала ласковая бабушка-соседка. Она доставала из печки угольки, бросала их в стакан с водой, и я слышал

молитвенный шёпот-наговор над стаканом. Совершив таинство, бабушка омыла моё лицо. Кажется, она знала, что болезнь ещё держит меня...

А может, и сейчас я не совсем здоров: почему при виде раздавленной лягушки или бабочки с оторванным крылышком — у меня бегут из глаз слёзы? Почему?

... Нашла или нет тогда мама ружьё в лесу — не знаю, но ружья в доме не стало, и никто никогда не упоминал о нём, как и о моей первой охоте.

...Прости меня, заяц.